

ИСПОВЕДЬ МЕТОДОЛОГА

Гносеологический критицизм есть гамлетизм в сфере философии, рефлектирующая нерешительность действовать в области познания вследствие нарушения жизненной цельности.

Н. А. Бердяев

Исповедь — это всегда кульминационный момент в жизни человека, когда им овладевает потребность в неотсроченном приобщении собственной жизни к истине и, соответственно, — ее воплощении в социально значимом поступке. В чем же может состояться поступок, если речь идет о методологии науки? Ну, во-первых, в том, что мы попытаемся представить судьбу одного из направлений методологического анализа развития науки, построенного на основе так называемой модели циклов научного исследования. Во-вторых, в том, чтобы по ходу раскрытия внутренней логики, фаз развития данной модели описать присущие ей идеологические образы, в которых назревшие потребности в анализе условий развития научного знания осознавались в неадекватной форме, но получали подтверждение путем критики тех моделей роста научного знания, которые развивались в рамках неопозитивистской философии науки, тяготевшей к заимствованию идей философского структурализма, феноменологии и герменевтики.

Перечисление проблем — не лучший способ определения предмета науки, но если мы говорим о содержательном, а не формальном направлении в методологии науки, то этого на первых порах достаточно. Итак, главной проблемой методологии науки считается создание моделей непрерывного синтеза нового теоретического знания, в которых за главную единицу принимаются ситуации подготовки и осуществления межтеоретического перехода, синтез таких его основополагающих структур, как идеи, принципы, законы.

Анализ ситуаций межтеоретического перехода в своих истоках опирается на подходы, заложенные еще в 60—70-е гг., согласно которым теория рассматривается как единое понятие, развернутое на основе метода, т. е. как деятель-

ность субъекта на базе определенных норм. В рамках этих подходов рано или поздно возникал вопрос о формах естественной актуализации норм в сознании исследователя еще до их объективации в соответствующих структурах теоретического знания.

Как известно, для представления такой опережающей, внутрисубъектной формы актуализации норм была использована так называемая динамическая модель нормативности. Главным при этом считалась ориентированность норм научного познания на получение нового знания, т. е. их синтетическое значение. Развертывание исходных понятий в целостную систему, во-первых, выступает в виде единого комплекса процедур логического следования, обоснования и предсказания с особым акцентом на последних; во-вторых, в этом процессе есть наиболее значимые точки роста знания, еще не носящие характера завершеного, готового знания. С этих позиций все формы систематизации знания могли фактически рассматриваться в качестве подготовительных этапов синтеза теории, и уже этим было своеобразно ориентировано их синтетическое значение.

Исследование динамического характера актуализации норм стало главным направлением и развивалось в два этапа. Первый этап был связан вообще с развитием понимания нормативности научного познания на основе отождествления поэтапной схемы построения теории с моделью цикла научного исследования, основными структурными звеньями которого являются: проблема, гипотеза, закон, теория. Это дало возможность через изучение структурно-функциональных связей между элементами цикла научного исследования более аналитическим путем поддержать представление о динамической нормативной регуляции синтеза нового теоретического знания. Подобная возможность базируется на том, что любой структурно-функциональный тип теории можно представить как соответствующий ему методологический тип, т. е. перейти от представления об упорядоченном составе теории (например, о структуре аксиоматической, гипотетико-дедуктивной теории) к тому, как, в какой последовательности и очередности строятся и связываются в единую систему ее элементы. Именно таким путем делался шаг к основам понимания тех форм актуализации продуктивной интерсубъективности в мышлении и сознании исследователя, которые отличны от объективированных форм их существования в «готовом знании».

Второй этап был связан с расширением структурного состава элементов цикла научного исследования и с тем, что на передний план в нем была выдвинута уже не схема

поэтапного построения теории, а ситуация, требующая ее перестройки. Поэтому и сама схема цикла научного исследования претерпела некоторые изменения. Теперь она выглядела в виде цепочки «теория — контрфакты — проблема — идея — гипотеза — новая теория». Все большее значение при освещении синтеза нового знания на этапе «проблемы», «идеи» и «гипотезы» стали придавать синтетическому значению таких дополнительных элементов цикла научного исследования, как научная картина мира, стиль мышления, мировоззренческие и методологические установки, идеалы теоретического и практического сознания. Кроме того, такая часть цепочки элементов цикла научного исследования, как «проблема — гипотеза — теория», выступила в качестве своеобразного аналога одной из схем целерациональной деятельности трудового акта: цель — средство — результат. И для этой схемы видения научного исследования осталось важным объяснение того, как нормы научного познания в актах целеполагания должны актуализироваться сначала для субъекта, опережая свою же собственную реализацию в объективированном знании. Но тогда эта актуализация должна и объясняться несколько иначе по сравнению с пониманием такого опережения на основе фиксации очередности проявления синтетического значения элементов цикла научного исследования, приближении фазы окончательного синтеза новой теории, по отношению к которой все элементы цикла можно было считать лишь ее подготовительными этапами.

Однако путь к решению подобной задачи сложился как бы сам собою — в итоге конкретизации представлений относительно той части цикла научного исследования, в которой «проблема» выступает формой осознания противоречий между теорией и новыми фактами в качестве исходного пункта всех последующих форм синтеза знания, венчаемого синтезом новой теории. При этом самым важным оказалось не столько то, что логико-методологические и гносеологические характеристики «проблемы» набираются из описания ее функциональных зависимостей с такими элементами научного исследования, как «факт», «гипотеза», вписанных, опять-таки, в ту же схему их «мест» и «значения» в синтезе новой теории, сколько то, что внутри самой «проблемы» была проведена ее разбивка на систему иерархически связанных задач. Во-первых, это позволило переводить логико-методологическое описание процесса научного исследования на когнитивный уровень, где в качестве главной единицы мыслительных операций выступает «задача». Во-вторых, членение «проблемы» на иерархизированную

систему «задач» распространилось на весь цикл научного исследования. Согласно этой логике, все научное исследование выглядит процессом решения изменяющегося типа задач, структуризация которых связана с процедурами поиска средств их решения на каждом из этапов познания. В этом смысле прохождение любого из этапов научного исследования предполагает постепенную конкретизацию условий задачи, их соотнесение со средствами решения, форма которого специфична для каждого из этапов научного исследования. Но естественный ход дальнейшего обобщения модели поэтапного решения задач — выделение ее в качестве главного моделирующего образа всего цикла научного исследования — создал ряд трудностей. Дала о себе знать тенденция сильного сближения понятия о нормах научного познания с жесткими прескрипциями, которые свойственны только операционально-процедурной части метода. Да и само представление о формах актуализации норм для субъекта восстанавливалось еще по-прежнему из отделимого от субъекта функционально ориентированного соотношения форм систематизации научного знания.

Некоторое время объяснения целиком не объективируемых, не отделимых от субъекта форм существования норм и идеалов познания, казалось, можно было достичь за счет эвристической трактовки норм познания. Она предполагает опережение субъективной формы существования нормы по сравнению с ее объектным значением в позитивном знании. Это систематическое опережение актуализируется в мышлении субъекта, поскольку особо выделяется роль системы процедур рефлексии. Поэтому и мышление субъекта в модели цикла научного исследования, легко переводимой в схемы поэтапного решения задач, представляется системой пошагового контроля за развитием средств решения задач, для которого существует устойчивое основание в самом мышлении субъекта. А так как цикл научного исследования рассматривается как система задач, развивающихся в направлении получения нового знания, то в некотором смысле осуществление синтеза нового знания можно было приравнять к решению «нетипичной» задачи.

Решение нетипичной задачи совершается в определенной последовательности и направлении — путем решения задач такого типа на каждом из этапов научного исследования. При этом приемы и процедуры, выработанные на одном из этапов, переносятся на другой уровень — применяются к новым задачам.

Понятие эвристики существенно обогатило представление о нормативности научного познания в том смысле, что

связало его с механизмами перевода нетрадиционных задач в класс традиционных. Такой перевод нельзя считать алгоритмизируемой процедурой, так как он разрушает утвердившийся стереотип интеллектуальных операций.

Рассмотрение цикла научного исследования как поэтапного решения задач через призму эвристических программ стало тесно связываться с умением субъекта отождествлять нетождественные задачи и использовать косвенные средства наведения для решения нетрадиционных задач. Основанием такого умения, в свою очередь, считается динамический рост «опыта по решению задач» как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, где параллельно с механизмом редукции нетрадиционных задач к традиционным и каноническим развивается навык использования косвенных факторов «наведения» на решение из «фона» научного исследования. С этого момента «пошло в дело» выделение научной картины мира, мировоззрения, стиля мышления, идеалов теоретического и практического сознания в качестве элементов цикла научного исследования. Они заняли в нем место путем прописки в «фоне» научного исследования, включенного, в свою очередь, в структуру приобретенного опыта по решению задач. Их можно было считать основанием синтетической деятельности субъекта и через призму их эвристических значений на каждом из этапов научного исследования («проблемы», «идеи», «гипотезы» и т. д.) получить целый спектр идеальных типов исторических примеров из научной практики, которые рассматривались как решение конкретно-научной проблемы, лежащей в основе межтеоретического перехода. Затем предполагалось выдвижение идеи и обоснование гипотезы через нелинейно представленную, многомерно методологически и мировоззренчески ориентированную мыслительную деятельность субъекта.

В связи с этим наибольшее значение в модели поэтапного решения задач с рефлексивным контролем получили те фрагменты развития наук, в которых синтетическое значение категориальных структур мировоззрения, культуры, наиболее общих понятий, принципов и законов отдельных научных теорий и отдельных дисциплин, теоретических фрагментов философских систем было явно выражено. Подобный целенаправленный подбор примеров казался достаточным для того, чтобы, во-первых, серьезно подтвердить тезис о непродуктивном исключении «метафизических» структур знания из числа условий развития позитивного научного знания фальсификационистской версией методологической модели теоретической формы синтеза К. Поппера и,

во-вторых, предложить структурализацию сферы «накопленного опыта» и «фона» научного исследования благодаря различению эвристических функций методологических установок, мировоззренческих ориентаций, стиля мышления, научной картины мира.

В дальнейшем методологи начали тяготеть к тому, чтобы несколько изменить статус рефлексивной организации научного исследования, представленного в виде поэтапно решаемых задач. Рефлексивный контроль в ситуациях межтеоретического перехода начинает рассматриваться не просто как поисковый прием целенаправленного перебора подходящих для решения задачи или позитивного сдвига проблемы средств из «фоновых» структур познавательного опыта, а как средство перевода в явную форму «неявных» онтологических и методологических допущений (например, правил обработки эмпирических данных, норм и стандартов рассуждений, способов выбора проблемы и т. д.), существующих всегда в связке с наиболее общими понятиями теории. Критика этих допущений в теории фактически не осуществлялась. Для теории они носят не служебный, а устойчивый характер, глубоко укоренены в культуре и потому не являются просто ситуативно работающими элементами «фона» научного исследования.

И вновь появляются существенные изменения в самой схеме цикла научного исследования. «Начало» синтеза новой теории локализуется вокруг операций по рефлексивному выявлению, а затем и пересмотру неявных предпосылок, лежащих в основе прежних теорий. При этом начинает рассматриваться проблема предпосылочности самой рефлексии, что подталкивает к постановке проблемы уже о нерефлексивных способах актуализации норм в неотделимой от субъекта форме продуктивной интересубъективности.

Однако серьезность и значимость данного вопроса понастоящему до поры до времени не была оценена. Скорее всего, при этом довольствовались методологическим образом релятивности рефлексии, согласно которому осуществление синтеза нового знания на уровне теорий опирается на чередование рефлексивных и нерефлексивных периодов в основаниях теоретического синтеза. Согласно этому образу, нерефлексивные предпосылки перестраиваемой теоретической системы выявляются, ставятся под критический контроль и перестраиваются рефлексией, которая, в свою очередь, опирается на неконтролируемые ею допущения, которые опять-таки будут выявлены и преобразованы в исторической перспективе. Но даже в постановочном плане очень важным оказалось признание устойчивого воспроиз-

водства нерелексивных слоев знания в ходе синтеза новых теорий.

Однако параллельно был осуществлен ряд изменений в методологической модели научного исследования как поэтапного решения задач с рефлексивным контролем. Прежде всего от языка описания научного исследования как поэтапного решения задач перешли на язык описания того же научного исследования, но уже как поэтапно осуществляемого выбора субъекта на основе системы детерминант, разделенных на классы мировоззренческих, эмпирических, теоретических, психологических и ценностных детерминант. Само понятие познавательного выбора вытекало из представления о конкуренции между объяснительными схемами старой теории и новой гипотезы. Соответственно, если ранее разбивка проблемы на «задачи» послужила основой экстраполяции подобного членения на весь цикл научного исследования, то теперь подобное расчленение «проблемы» на ситуации поэтапно осуществляемого «выбора» распространяется на весь цикл научного исследования.

Достижение такого уровня обобщения модели цикла научного исследования (представление его в виде рефлексивно-контролируемого поэтапного решения «задач» или поэтапно осуществляемого «выбора») дополняется в обоих случаях новой рефлексивной фазой — критическим пересмотром слоя «неявного» знания, задающего связанным с ним основным понятиям перестраиваемой теории статус очевидности. Дальнейшая аналитическая реализация этой модели определилась в нескольких методологических сюжетах.

Первый закрепляет за мировоззрением, научной картиной мира, методологическими установками, стилем мышления статус выявляемого и перестраиваемого со временем слоя «неявного знания» с фиксированным ролевым значением — как предпосылки последующего синтеза новой теории. Соответственно, подлежащее изменению теоретическое знание через неоднородный слой «неявного» знания видится глубоко укорененным в культуре.

Согласно второму сюжету существенной стороной подготовки синтеза новой теории должно стать обязательное представление основных синтезируемых понятий новой теории в качестве очевидных для определенного времени идей.

Из этих двух сюжетов некоторые темы методологических исследований вытекали естественным образом. Так выглядели описание мировоззрения исследователя и эпохи, научной картины мира, стиля мышления, категориальных структур культуры в качестве детерминант познавательного

выбора, нередко описываемых к тому же на языке «ценностей»; ретроспективное выявление «мест» и «ролей» различных подструктур «неявного» знания, описываемых соответственно по различиям их эвристического значения; определение социокультурной специфики основных идей теоретического знания через слой «неявного» знания и, в итоге, функциональное определение этого слоя в качестве одного из гарантов понимания нового знания.

В рамках данных сюжетов вполне допустимо было говорить о распространенном явлении замещения функций будущей теории каждым из подготовительных этапов ее построения на правах «предпосылок», входящих в цикл научного исследования. Так, на перспективу были заложены основы унифицированного функционально-эвристического «видения» многих подструктур знания, перенесенных в слой «неявного знания» — научной картины мира, мировоззрения, стиля мышления, категориальных структур культуры. Несмотря на стремление сохранить различие этих подструктур, на первый план выдвинулась одинаковая перспектива их методологической экспликации. Они выглядели более или менее прямыми детерминантами «выбора» средств для решения «задач» на любом из этапов межтеоретического перехода: проблемы, гипотезы, идеи, закона и т. д.

Со временем реакцией на подобную перспективу унификации стало развитие представления об упорядоченной связи подструктур «неявного» знания — их упорядоченного, ориентированного на синтез идей новой теории взаимного опосредования.

Наверное, следует прерваться на некоторое время и сказать, что следить за изменениями схем рассуждений о научном исследовании не очень-то увлекательное занятие. Но отнюдь не в плане оправдания следует сказать о следующем.

Прочтение какого-либо романа большим числом людей не порождает такого же числа его версий. В сравнении с числом читавших, смысловых версий очень и очень немного. С определенного времени для культуры эти смысловые версии являются такими же реально существующими фактами, как автор, произведение, читатели. Более того, знание версий позволяет стать на метапозицию: быстро квалифицировать тип и направление понимания произведения, фиксировать повторение уже известного как свидетельство сложившегося расчленения произведения на смысловые композиционные структуры. Структурализм не придумал наличие смысловых организующих структур в произведении, учтя как раз общественную форму существования произведения: его коллективную обработку пониманием и интер-

претацией читателя, ориентации автора на будущего читателя, например,— его работу с воображаемой будущей реакцией читателя и т. д.

Нечто подобное мы и пытаемся сделать: показать, как, принимая определенные исходные характеристические представления о научном исследовании, постоянно развивая их, можно с определённого этапа стать просто вынужденными разделять определенное «видение» культуры, философии, мировоззрения и науки. Поэтому вернемся на оставленный нами уровень рассмотрения модели научного исследования.

После того как часть наиболее фундаментальных онтологических и методологических допущений теоретического знания была отнесена к слою «неявного знания», не выявленного в ситуациях локальных форм синтеза теоретического знания, т. е. не ведущих непосредственно к синтезу новой теории и наоборот,— выявляемого рефлексией в ситуациях межтеоретического перехода, возникла концептуальная база ориентированного восприятия, оценки и критики парадигмальной модели развития науки Т. Куна.

С одной стороны, горизонтом методологического восприятия концепции Т. Куна стала история науки, разделенная на парадигмальные этапы. Для объяснения ее исторического развития потребовалось сначала поставить, а затем и приступить к решению вопроса о соизмеримости научных теорий, сменяющих друг друга парадигм, а затем вопрос о преемственности научного знания на основе методологических представлений более богатых, нежели те, которые мог дать принцип соответствия.

С другой стороны, выделение рефлексии в качестве наиболее радикального средства синтеза новой теории стало неизбежным. И вот здесь особое значение приобрели представления об опосредованном влиянии различных элементов слоя «неявного знания» на синтез основных идей будущей теории, а также представление о наличии многоуровневой системы методологического самосознания науки, представленной в первую очередь специально-научным, общенаучным и философским уровнями рефлексии над наукой и содержанием ее знания.

Первое представление подталкивало к принятию идеи о наличии определенной структуры взаимного согласования опосредования у элементов «неявного знания». Эта идея прежде всего затронула представление о наиболее трудно выявляемых рефлексией элементах слоя «неявного знания» — категориальных схемах культуры (массовидные стереотипы мыслей и поведения людей, актуализирующиеся в значимой для каждого субъекта форме через его миро-

воззренческое отношение к миру). Органичным завершением этого переосмысления стало представление о философии как рефлексии над мировоззренческой формой актуализации культуры.

Второе представление — о наличии нескольких уровней методологической рефлексии — по сути дела является определенной метрикой методологической рефлексии, актуализирующейся в явной форме при переосмыслении концептуального ядра естественнонаучных теорий, его перестройке в направлении синтеза новой теории.

Необходимым моментом функционирования конкретно-научной методологической рефлексии в режиме синтеза нового теоретического знания повсеместно признан факт ее обращения к языку философии как определенному метаязыку с фиксированным критерием подобного перехода. Критериями перехода конкретно-научной методологической рефлексии на уровень философской методологии мыслятся такие проблемы, как проблема субъекта и объекта, отношения форм знания к внешнему миру, вопросы детерминизма, взаимоотношения форм движения материи¹, «мировоззренческой интерпретации результатов науки, анализ общих форм и методов научного мышления, его категоризация с точки зрения той или иной картины мира»².

Таким образом, устанавливается своеобразное отношение соответствия между тематизированным на проблемы философским знанием и методологическим самосознанием науки, рефлектирующим как над объективным срезом содержания теоретических понятий, так и над особенностями принципов построения конкретной теоретической системы знания. При этом актуализация определенных систем философского знания, их частей, связей во многом оказывается зависимой от развития методологического самосознания конкретной науки, играющей роль активного «субъекта» выявления регулятивного и эвристического потенциала философского знания. Например, онтологическое и методологическое обоснование феномена лидерства физики в естественнонаучном знании, сопряженное с анализом развития физических теорий через призму эволюции категорий пространства, времени, онтологических и методологических принципов физической теории (принципов соответствия, наблюдаемости, инвариантности, простоты и др.), было проанализировано через модель развития научного исследования (теория — контрфакты — проблема — идея — гипотеза — законы — новая теория). В итоге обнаружена связь с определенной философской традицией анализа теоретического познания. Развитие методологической рефлексии в

биологии, ищущей пути построения новых объединительных теорий, развивалось под большим влиянием антифизикалистской установки. Подобная установка нередко служила базисом критического анализа генерализации моделей развития теоретической формы синтеза знания в физике. Именно эта позиция создавала, в свою очередь, целый ряд проблем, с которых и начиналась новая избирательная тематизация философского знания («специфика жизни», «целостность», «система», «организм», возможность формализации и аксиоматизации биологических теорий), завершавшаяся формированием, например, таких конкретных методологических идей, как идея коллективного теоретического лидерства в науке или его прогрессивной исторической смены, т. е. переходила вновь с философского на общенаучный и конкретно-научный уровни методологической рефлексии.

В итоге открылась возможность значительного отождествления философского знания, тематизируемого методологической рефлексией конкретно-научного знания, с философской рефлексией над наукой.

Дело в том, что с позиций экспансии методологической рефлексии конкретно-научного знания как элемента действительной практики современной науки само философское знание осваивается подобным типом рефлексии в строго определенном значении — нахождения резерва оптимизации конкретно-научного поиска. В силу этого философское знание как бы подключается к функциям позитивной рефлексии: контроля над содержанием основополагающих понятий теории, мыслительными операциями и методом в целом, теоретическими предсказаниями. Оно должно способствовать достижению принципиально нового знания на основе критического выявления смысловых границ основных понятий в наличных теориях.

Учет подобной ориентации, например, мировоззренческих структур и философского знания в естественнонаучной рефлексии имеет большое значение. Как известно, мировоззрение ученого, наряду со стилем мышления, парадигмой, рассматривается в качестве элемента системы «предпосылок» теоретического знания, позволяющих, в свою очередь, описывать нормируемость теоретических инноваций культурой эпохи. Философская рефлексия, при некритическом обобщении практики ретроспектив конкретно-научной методологической рефлексии в проблемы своей концептуальной истории, с неизбежностью делает акцент на ситуациях соответствия идейного фонда синтезированных теорий с категориями культуры, канонами «очевидности» массовидно освоенных способов членения объективной реальности

и практики повседневной жизни людей. С позиций этой логики весьма обоснованным выглядит определенный «резонансный ряд» идей относительности в физике XX в., концепции мира в импрессионизме и постимпрессионизме и новые способы освоения творческого «со-бытия» автора и героя в литературе конца XIX в.³ В следующем шаге логика подобного подхода не случайно тяготеет к рассмотрению философии в качестве средства теоретической фиксации, а затем и трансляции категорий культуры в категориальные матрицы идеальных объектов теорий, опережающих освоение новых типов объектов конкретно-научного знания⁴. Философская рефлексия над культурой и в данном случае берется в строго ориентированном, эвристическом значении — создания своеобразного категориального проекта идеальных объектов теоретического знания, освоение которых еще только предстоит естествознанию. Соответственно, ретроспективно выявленный *линейный* резонанс идей науки и культуры заранее формируется философской рефлексией, ее предсказаниями, в которых закладывается один из фундаментальных уровней гарантированной и беспрепятственной объективации нового знания, его понимания, который тем не менее выступает в довольно анонимной, безличностной форме из-за значительного крена в идею равноуровневого, но гомогенного по своей сути субъекта культуры и науки.

Желание рассмотреть конкретную культурно-историческую подготовленность синтеза нового теоретического знания в данном случае реализуется путем ретроспективного совмещения двух рядов знания. Первый ряд — собственно теоретическое знание, которое легко разбивается на генетическую цепочку форм систематизации знания, отражающую ситуацию назревших теоретических инноваций (теория — контрфакты — проблема — идея — гипотеза — новая теория).

Второй ряд образует система «неявного» знания, структурированная системой взаимного опосредования ее элементов. Эта система через научную картину мира, методологические установки, идеалы научного познания соединяется непосредственно с элементами собственно теоретического знания, а через стиль мышления, мировоззрение находит связь с культурой. Так создается очень наглядная схема замыкания всеобщих условий мыслимости любого объекта на базе стереотипов поведения и обыденного мышления культуры и основных идей уже синтезированного теоретического знания, которые, в свою очередь, являются общей и довольно еще абстрактной формой представления пози-

тивного содержания теории в целом. Тем не менее это то содержание понятия «теория», которое удерживается при подобном соотнесении теоретического знания с культурой. Внутри него вполне естественным оказывается перевод крайнего звена слоя «неявного знания» — категориальных схем культуры — в нерелексивно функционирующие опорные очевидности научного познания.

Безусловно, данный образец методологического соотнесения научного знания и культуры открывает возможности для того, чтобы увеличить число моделируемых ситуаций синтеза нового теоретического знания и тем самым позволяет отразить историческую полноту особенностей его осуществления. Это выясняется тогда, когда обнаруживается, что по своей идеологии вышеуказанная схема соотнесения науки и культуры является близкой параллелью основных идей модели научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Так, основные идеи теоретического знания, опирающиеся на фонд «неявного знания», не допускающие автоматической перестройки из-за обнаружения контрфактов, могут быть приближены к понятию «твердого ядра» научно-исследовательских программ. Отношение этого же блока — основных идей теоретического знания и нерелексивных допущений «неявного знания» и собственно теоретического знания (его полной формы) базируется, как и в модели научно-исследовательских программ, на идее эвристического программирования (позитивной и негативной эвристики). Суть последнего отражает представление о негативной и позитивной стороне опыта субъекта научного исследования в разработке методик сведения нетрадиционных задач познания к традиционным.

Положение о длительном сохранении «неявного знания» и связанных с ним основных универсалий теории выливается в естественное принятие тезиса о невозможности непосредственной критики теории со стороны не объясняемых ею фактов. Это, в свою очередь, ведет к принятию идеи сохранения объяснительных схем теории на основе введения дополнительных гипотез (ad-hoc-гипотез) и, кроме того, к идее длительного замыкания на «твердое ядро» научно-исследовательской программы целой серии теорий отдельной научной дисциплины.

Представление научного исследования как поэтапно протекающего познавательного выбора на основе детерминант в рамках модели опосредованной вписанности теоретического знания в культуру ставит в резкой форме вопрос о том, можно ли описывать вообще факт параллелизма основных идей культуры и науки на языке непосредственной детерми-

нации? В литературе уже достаточно рельефно высказано сомнение в правомочности такого прямого сопоставления. Взамен этого предлагается найти для отражения подобного параллелизма либо более корректное представление о детерминации, например вместо детерминации непосредственного типа считать данный параллелизм соответствием типа синхронной актуализации⁵, либо вообще признать принципиальную ограниченность подобного прямого сопоставления всеобщего в науке и всеобщего в культуре из-за недопустимого игнорирования конкретной, практически-событийной формы увязывания позитивного содержания теории и культуры, реализующейся на уровне конкретного ученого, научного сообщества, общения в нем, а не на уровне абстрактно всеобщего субъекта познания и культуры⁶.

Если в схеме «замыкания» науки на культуру через систему «неявного» знания акцент делается на тех элементах «невидимки», которые в системе присущего им порядка опосредования расположены ближе к собственно позитивному теоретическому знанию — научной картине мира, методологических установках, идеалах и стандартах научного знания, то с необходимостью обнаруживается тяготение данной схемы связи науки и культуры к важному смысловому сдвигу. Этот сдвиг состоит в том, что через нерелексивность выделенных элементов «неявного» знания последнее начинает восприниматься как аналог куновской «парадигмы», состоящей, как известно, из разделяемых научным сообществом убеждений, ценностей, исследовательских методик; т. е. видится некоторым интегральным методологическим стереотипом. Подобная общезначимость парадигмы для научного сообщества хотя и была еще достаточно анонимной концептуальной консолидацией субъекта научного познания, но тем не менее не выглядела таковой в сравнении с той формой интерсубъективности, которую предполагает схема опосредованного резонанса идей культуры и науки для определенной исторической эпохи. Тем не менее наглядное представление об опосредованном вхождении идей позитивного теоретического знания в культуру через слой «неявного» знания стало заключительным аккордом моделирования процесса развития научного познания на основе методологических схем «поэтапного решения задач» и «познавательного выбора», где наряду с проявлением близости восприятия понятий «парадигмы» и «научно-исследовательской программы» как средств моделирования ситуаций развития научного познания проявилась и тенденция усматривать главные причины развития межтеоретических переходов в смене универсальных норм научного познания.

Ориентация методологического исследования условий теоретического синтеза на изучение зависимости его осуществления от «неявного» знания оказалась противоречивой. С одной стороны, она длительное время расценивалась как перспектива приближения методологических моделей научного познания к исторически полному отражению условий осуществления теоретических инноваций, а с другой — вела к необходимости признания того, что предварительным условием синтеза новой теории является радикальное изменение нормативного значения почти у всех элементов «неявного» знания и культуры, связанных с прежней теорией. Последний подход мог возродить к жизни объяснение в духе культур-релятивизма.

И все же опасность крена к объяснениям такого типа отошла на некоторое время на второй план в пользу изучения полноты условий теоретической формы синтеза научного знания.

В результате, в зависимости от того, каким элементом «неявного» знания обозначается предел значимости этого слоя знания для осуществления межтеоретического перехода, мы получаем либо идею разделения истории науки на «внутреннюю» и «внешнюю» историю для методолога, либо получаем представление об окончательном звене познавательного выбора, т. е. допустимом интервале рациональности для подобного шага. И первое и второе следствие до сих пор является активно обсуждаемой проблемой. Например, совсем недавно Кейс Джонс отметил, что, реконструируя развитие науки как смену научно-исследовательских программ, И. Лакатос считал, что любая методология или их комбинация могут включать законы Ньютона, уравнения Шредингера, эксперименты Лавуазье во «внутреннюю» историю и должны исключить из нее религию, политику, экономику. Тем не менее оказалось, что само выделение понятия «внутренней» истории носит некоторый курьезный оттенок. Последний заключается в том, что оказывается ненужной ее реальное существование, в силу чего Лакатос допускает курьезную схему ее постоянной коррекции в сносках⁷.

Обратим внимание и на следующее обстоятельство. Чем дальше в «неявное» знание отодвигается предел «рациональности» результативного познавательного выбора, увенчавшегося синтезом нового теоретического знания, тем более облегченным становится представление самого теоретического знания. На его месте оказывается не теория в целом, а облегченная форма ее представления, ее «образ», главными элементами которого часто выступают основные идеи теории, либо даже основные характеристики теорети-

ческого отношения к миру. Легко заметить, что при подобной реконструкции полноты исторических условий осуществления теоретического синтеза само содержание позитивного знания движется к очищению, к некоей чистой форме рассуждения о теории на уровне кантовского представления о «чистом естествознании», которому в соответствие ставятся, выражаясь, опять-таки, кантовским языком, условия мыслимости любого объекта — стереотипы мысли, укорененные либо в различных элементах «неявного» знания, либо в канонах культуры.

Наглядным примером использования такого образа позитивного теоретического знания могут служить исследования глубинных социальных причин развития науки, предложенные М. Вебером и его последователями. Как известно, М. Вебер связал воедино санкции протестантской этики, рационального поведения человека в буржуазном обществе с открытием пространства для мысли, свободной от деспотических ограничений совести и самосознания индивида. Подобные этические ценности рассматривались либо как конгениальные рациональности науки, либо как нейтральные по отношению к ней нормы, не мешающие ее развитию (Р. Мертон).

На фоне отсутствия позитивного экспериментально-математического естествознания в Китае и странах ислама казалось, что в бюрократизме и патримониальном характере существования этих обществ заключены главные причины, не допускающие закрепления ориентаций общества на подобный тип развития науки. Эта точка зрения является довольно развитой в деталях к настоящему времени, особенно в работах Дж. Нидама. Но не менее активна и критика этой точки зрения. Так, Бриан Тарнер, целенаправленно приводя пример с кратким книжным сводом секты Илькхван-аль-Сафа (братья непорочности) — «Рисала аль-йами ах» — стремился показать, как анализ связи поэзии и науки на основе ценностей ислама дал толчок формированию у ученых Востока подходов к математике, музыке, геологии, минералогии. Контакты членов группировки Илькхван-аль-Сафа с мистическими суфистскими группировками в Багдаде и Басре, а также их жизнь среди ремесленников и актеров дали толчок для перевода мистических доктрин в основы развития техники⁸. На этой основе Бриан Тарнер делает заключение о том, что «могут существовать такие социально-политические обстоятельства, когда мистические доктрины могут играть роль раскрепощающих и динамичных начал»⁹. В итоге он выделяет как нормативную следующую закономерность: «Когда система ортодоксальной мысли ста-

новится закрытой по отношению к физическому труду и чувственному созерцанию природы из-за доминирования кучки интеллектуалов, мистические оппозиционные общества могут стать распространителями эмпирических форм научной активности и технологического экспериментирования¹⁰.

В итоге мы незаметно оказываемся перед фактом возникновения объяснений зависимости научных инноваций от культуры опять-таки в духе культур-релятивизма, т. е. перед лицом той же угрозы релятивизации рациональности аргументов познавательного выбора, которыми чревата парадигмальная модель оснований возникновения инноваций в науке. Так мы становимся небезучастными свидетелями реакций на подобный тип объяснений в методологии науки в виде концепций научной рациональности, в которых выделяется небольшое число эпистемологических стандартов, пригодных для любой комплексной концепции рациональности научных изменений, учитывающей наличие «формальной» и «неформальной» рациональности. Например, разработчик одной из подобных концепций американский философ, методолог Джеральд Доппельт совсем недавно предложил включить в число рациональных оснований познавательного выбора, итогом которого является межтеоретический переход, семь эпистемологических стандартов. Это императивы, требующие от нас признать: 1) отрицание радикальной несоизмеримости понятий и наблюдений у сменяющих друг друга теорий одной дисциплины; 2) наличие надежных рациональных оснований для предпочтения новой теории перед старой, что подразумевает наличие типичных ненадежных оснований для научных инноваций; 3) существование таких надежных оснований для предпочтения теории *B* перед *A*, которые отнесены на счет более рациональной надежности, чем та, которая существует в исторических ситуациях для предпочтения *B* перед *A*, что равнозначно отказу от тезиса: «в то время как существуют надежные основания для теоретических изменений в науке, в каждом из этих случаев есть типичные, одинаково приемлемые основания для сохранения приверженности старой теории»; 4) надежные основания, делающие принятие последующей теории более рациональным актом по сравнению с приверженностью к старой — это основания, которые действительно побуждали исторических сторонников теорий *A* и *B* изменить убеждения с *A* на *B*, что равнозначно тезису, что не существует разрыва между рациональностью научной теории и иррациональностью убеждений, верований и приверженностью в науке; 5) четвертый императив можно считать сознательно принимаемым сторонниками теорий *A* и *B* и соз-

нательно применяемым ими для того, чтобы мотивировать и оправдать изменения в убеждениях при переходе от *A* к *B*, что равнозначно отказу от разрыва между рациональностью убеждений и иррациональностью или отсутствием концепции научной методологии; 6) взятые вместе императивы 2, 3, 4 и частично 5 — это универсальные стандарты, которые допускают одинаковые условия соответственно для всех случаев рациональных научных изменений, что равнозначно отрицанию разрыва между рациональностью одной и той же научной традиции или эпохи по сравнению с другой; 7) закрепление когнитивного прогресса *B* над *A* в соответствии с такими эпистемическими целями и стандартами, как истина, объяснительная сила, вероятность знания, правдоподобие и т. д., которые удовлетворяют требованиям 1—6 и могут быть определены в качестве существенных для научной рациональности, что равнозначно отрицанию разрыва между научной рациональностью и когнитивным прогрессом в утверждении того, что основания и стандарты, соответствующие и мотивирующие рациональность научных изменений, не гарантируют роста научного знания, истины, объяснительной мощности, правдоподобия и т. д.¹¹

Синдром восстановления универсальных схем рациональности научных инноваций, которые максимально открыты для описания исторических форм изменений в знании — это отражение той проблемы, которая как злой гений постоянно напоминает о себе. Привлечение универсальных научных стандартов для объяснения ситуаций межтеоретического перехода, пусть и сформулированное в предельно осторожной форме, влечет за собой необходимость предположения о том, что в основании осуществления межтеоретического перехода лежит скрупулезное предварительное выяснение учеными всех альтернатив существующей теории. Но если это невозможно, то становится понятно, что постоянное восстановление тезиса о ситуативном проявлении неформальной «рациональности» отражает тот факт развития науки, который показывает, что даже «групповой выбор является очень редко рациональным потому, что мы не можем ожидать того, чтобы каждый ученый знал все его основания»¹². Не случайно «М. Поляни был глубоким скептиком в отношении того, насколько мастерство теоретических инноваций, которое развивалось исторически в научном сообществе, может быть полностью эксплицировано или даже представлено недвусмысленным образом впоследствии»¹³. Так ретроспективная модель актуализации норм в качестве оснований рациональности познавательного «выбора» оказывалась под ударом из-за невозможности

адекватного представления в ней синхронных научной практике форм актуализации оснований познавательного выбора. Отсюда оставался один шаг до сомнения в возможности включить в состав моделей роста научного знания ситуативно работающие нормы познавательного выбора не *post factum*, а в неотсроченной, синхронной форме. В случае закрепления этого сомнения вполне естественным следствием становилось бы выпадение из ретроспективных реконструкций моделей роста научного знания многих ситуаций развития реальной практики научного познания.

Нельзя сказать, что подобные сомнения разделяются всеми, но они озадачивают почти всех, занимающихся методологией науки. Так, интенсивная проработка возможностей социологического аргумента парадигмальной модели роста знания казалась очень привлекательной для повышения степени соответствия методологических реконструкций роста знания в «реальной практике» научного познания. И укорененность «парадигмы» в «научном сообществе» воспринималась как раз в качестве важнейшего направления конкретизации такого совпадения, причем важного еще и потому, что здесь завязывался продуктивный узел единства модельных средств методологических и социологических реконструкций развития науки и научного знания. Но как оказалось впоследствии, во-первых, социологическое содержание понятия парадигмы не может быть принято без соответствующих изменений, и, во-вторых, предлагаемые модификации его социологического содержания сами очень проблематичны в качестве горизонта развития социологического аргумента в структуре методологических моделей роста научного знания. Английский социолог Кейс Джонс учел критические оценки в отношении преувеличенной Т. Куном степени интерсубъективности парадигмы для всех членов научного сообщества, которая если и допустима, то для очень малых коллективов ученых. Учел он и то, что саму парадигму очень трудно представить как итог действия однородных факторов из-за представления самой истории науки в методологии то как «внутренней», то как «рациональной». Тем не менее, желая определиться в отношении приемлемой социологической перспективы позитивной экспликации понятия «парадигмы», позволяющей остаться в рамках методологии, К. Джонс посчитал необходимым оставить фактически без изменений понятие о «рациональной истории» в духе методологии, типа научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Рамки этой «рациональной» истории, по его мнению, можно всякий раз ситуативно расширять, не делая ее при этом «внешней» в традиционном

понимании, хотя этим отнюдь не проясняется само понятие о «внутренней» и «внешней» истории. Так, «становление образования является внутренним по отношению к профессиональной активности, если даже само по себе оно не рационально»¹⁴. Естественно, что с позиций ситуативно проявляющейся границы между «внутренней» и «внешней» историей приемлемыми, но мало аналитичными оказываются следующие предложения: 1) наука находится под влиянием каузального типа вненаучных суждений и позиций; 2) научные убеждения в присущем им историческом контексте могут быть объяснены в понятиях «их смысла» для тех, кто их выдвигал¹⁵.

Первое предложение узаконивает нефиксированное повышение значения внешних, не рационализируемых категорий в структуре оснований познавательного выбора, а второе очень уязвимо из-за сложности представления вариаций индивидуального смысла тех или иных теоретических убеждений для ученого на языке объективно фиксируемых социологией факторов.

Так постепенно и выясняется, что само деление истории науки на «внутреннюю» и «внешнюю», широко используемое для реконструкции ситуаций межтеоретического перехода и представление его как обоснованного, рационального выбора становится все более и более неустойчивым. Эта неустойчивость проявляется по мере того, как схеме рационального познавательного выбора предлагается стать аналогом формы «рациональности» познавательного выбора, в которой многие из элементов «внутренней» и «внешней» истории не срабатывают или не успевают сработать в качестве оснований подобного выбора.

Но означает ли сказанное, что парадигмальная модель развития научного знания — это уже отработанный вариант развития методологии науки? — И да и нет.

При рассмотрении особенностей ситуаций межтеоретического перехода следует помнить, что продуктом деятельности познающего субъекта являются не только объективированные формы синтеза теоретического знания, но и сам субъект научного познания. Именно практика познания нередко приводит ученого к воспроизводству в его сознании устойчивых форм присвоения уже объективированного знания, своеобразной свертки последнего, которая играет роль системы опорных точек его теоретического мышления, т. е. выступает своеобразным методологическим аналогом единства самосознания — единством его методологического самосознания.

Как хорошо известно, еще для И. Канта обобществление

нового знания подразумевает его понимание, которое сохраняется всегда, так как укоренено в сознании всех субъектов в качестве некоего общего условия его единства, удерживающего в единстве категориальных схем многообразие созерцаний. Категориальные структуры, покоящиеся на трансцендентальном единстве апперцепции,— вот что обеспечивает непрерывное понимание нового знания и гарантирует непрерывный характер научному опыту.

Но для И. Канта понимание нового знания в момент его обобществления не актуализируется в особые проблемные ситуации, так как общие для всех людей основания понимания знания встроены в саму «познавательную способность» и не меняются со временем. И это верно относительно некоторых неизменных во времени онтологических оснований категоризации внешнего мира. Например, мы не в состоянии избавиться от своей телесности — общего для всех нас основания пространственной категоризации (тело среди тел) объективной реальности.

У Т. Куна, наоборот,— «понимание» в негативном модусе (отрицание понимания) имплицитовано несоизмеримостью парадигм и в позитивном плане существует только для идей, «прописанных» в парадигме. В этом смысле «парадигма» как структура «понимания» становится своеобразным интервалом беспрепятственного обобществления нового знания в виде цепочки теорий, встроённых в парадигму, т. е. основанием его понимания на очень длительное время. В руках Куна «понимание» тем не менее претерпевает эволюцию от когнитивно-психологического представления к когнитивно-методологическому.

Парадигмальная модель единства методологического самосознания субъекта научного познания подразумевает систематическое воспроизведение одних и тех же понятий, входящих в дисциплинарные матрицы теорий, которые в условиях непрерывного обобществления нового знания и выступают гарантом его беспрепятственного и неотсроченного восприятия. Это единство формируется на каждом из этапов научного исследования путем замыкания сознания коллективного субъекта науки на одни и те же понятия, в результате чего и образуются коллективно признанные нормы-образцы. Последние образуют устойчивую основу эффективного исключения и поглощения любых идейных и методологических альтернатив из процесса разворачивания теории к моменту существования развитых цепочек теорий отдельной дисциплины. И вот именно здесь общим местом стало приравнивание нормативности парадигмы к селективным функциям, которые, как считалось, являются одним

из простых синонимов понятия нормативности вообще. В действительности здесь и заключалась незаметная, на первый взгляд, но очень важная, как оказалось потом, возможность сначала сдвига в понимании места парадигмы в моделировании процесса развития науки, и затем — тех ситуаций развития теоретического знания, которые оно представляет. Даже у Т. Куна формирование парадигмы невозможно без устойчивого воспроизводства дисциплинарного сообщества. И по этой причине он считал допустимым парадигмальное измерение науки только для тех ситуаций, которые исключают выдвигание на передний план споров, дискуссий о методах, проблемах, т. е. выносил их в «допарадигмальное» состояние науки, характеризующееся не единством, а размежеванием школ.

Но «парадигмальное» состояние науки может отражать и специфику следующей, почти «обратной» ситуации: 1) потери упорядоченного единства науки из-за обнаружения проблематичности самих оснований фундаментальных теорий отдельной дисциплины (подобные ситуации пережили и физики, и математики и до сих пор не смогли избавиться от этих проблем путем построения единой теории); 2) в ходе анализа оснований фундаментальных теорий накапливается большой критически-оценочный опыт в отношении идей, претендовавших на радикальный синтез теоретического знания; 3) как итог складываются эффективно функционирующие универсальные критически-оценочные базы знания, которые, помимо прочего, начинают тяготеть к поглощению любых теоретических инноваций. С этой стороны очень естественным выглядит выдвигание М. Борном на передний план описания понятия «стиля мышления» ситуаций квалифицированного отсеивания идей, не соответствующих его духу. А недостаток сумасшедших идей в этом случае объясняется тем, что за сравнительно короткое время подобной идее можно найти ее «место» среди идей с уже оцененной и не очень перспективной судьбой, т. е. показать, что они как раз недостаточно сумасшедшие.

Как итог обнаруживается, что при подобной нетрадиционной трактовке ситуационной основы «парадигмальности» в науке остро встает проблема самого понимания новых идей (их выдвигания и восприятия в условиях очень вероятной редукции к традиционному теоретическому «видению»). Более того, острота проблемы усугубляется в реальности еще и тем, что новые идеи не могут быть сразу же полностью обоснованы, экспериментально подтверждены, тем более, что нередко для них можно найти и умаляющие их значение контрфакты. Поэтому непосредственно общест-

венная форма закрепления новых идей через общение и коммуникацию в виде приемлемых «тем» исследования и является той минимальной «единицей» наименьшей формы теоретического синтеза идеи, которая характеризует парадигмальную стадию развития науки. Естественно, что при этом на передний план выдвигается коммуникативная форма закрепления новизны синтезируемой идеи, которая, в свою очередь, предполагает представление подобного процесса выдвижения и восприятия новой идеи через целый ряд форм ее межсубъектной экспозиции.

Подобная процедура обобществления идеи имеет некоторое сходство с ее развитием в символ, так как в ходе обобществления ее содержания создается система разнообразных способов восхождения к ее смыслу с нефиксированным заранее, до ее обсуждения, числом уровней подобной экспозиции. Узловые уровни обобществления идеи здесь даны не заранее и не спрятаны в «неявное» знание, а выявляются самой дискуссией, единством интерпретативной и реинтерпретативной деятельности субъектов общения, в ходе которой вырабатывается критическая оценка идеи, которая не обязательно носит анонимно общезначимый характер, т. е. не обладает анонимной интерсубъективностью.

Интерсубъективность оценки, на которую в итоге дискуссии опирается новая идея, может не разделяться всеми членами научного сообщества. Не обязательно и то, чтобы все стороны ее содержания принимались всеми. Естественно, что в подобных ситуациях обобществления сути новизны идей из-за использования широкого поля культур-интерпретационных ресурсов, часто подсказываемого самим ходом общения, неизбежны несовпадения в оценках аргументации идей.

Так, в ходе дискуссии Н. Бора и А. Эйнштейна смысл принципа дополнительности был представлен Н. Бором не только на уровне методологического принципа описания физической реальности, но и продлен до определенного «видения» в нем идеала физической теории, трактовки отношения сознания и самосознания, отношения культур. И именно на фоне альтернативного видения принципов описания физической реальности и идеала физической теории смысл принципа дополнительности становится еще более определенным и конкретным по своему содержанию. М. Планк, будучи редактором физического журнала, не принимает к публикации статьи, в которых «слишком много математики», так как считает, что связь с обыденным языком физических понятий существенна для сохранения возможности непосредственного вхождения в их физический смысл.

И несмотря на то, что подобная установка М. Планка объясняется его приверженностью «гносеологическому демократизму» просветительской ориентации в образовании, согласно которой всегда существует возможность перевода сложных идей на менее специализированные языки, тем не менее подобная характеристика «стиля мышления» М. Планка выступает во многом коммуникативно выявляемым условием обобществления нового знания для многих теоретиков, претендовавших на публикацию.

Вот почему такая непосредственно общественная форма выявления интерсубъективности, переводимая в основание синтезируемой идеи, формируется не автономной критической рефлексией, а общением. Само непосредственное общение, его открытый характер выступают динамичным основанием роста культурно-интерпретативных ресурсов синтезируемых идей, их коррекции и уточнения. Коммуникативно протекающий процесс обобществления нового знания актуализирует для творческого субъекта потолок его подъема к ситуативно подходящим аргументам от культуры, жизни, практики. Естественно, что в составе аргументов, представляющих новизну теоретической идеи, могут одновременно присутствовать культурные образы разных эпох, а не только доминирующие образы современной культуры, как это неявно предполагает концепция опосредованного резонанса идей культуры и науки.

Анализ дифференцированной системы открытой формы концептуальной консолидации коллективного субъекта научного знания стал заметным мотивом развития и продвижения социологического аргумента в глубь методологических моделей развития научного знания. Подобный акцент на открытой форме образования оснований «реально» работающих норм научного познания в отличие от нормативов, реконструированных чистой методологической ретроспекцией, развивается австрийским социологом Карин Кнорр-Цетиной путем представления самого критерия «реальной» нормативности через требование «выступать средством решения проблемы» и работать не только в пространстве теоретического дискурса — рационально контролируемых идей и убеждений, а быть пригодным для всех сторон научной деятельности. И в данном случае важно не столько то, что подобная формулировка критерия режима «реально» работающих норм может быть или истолкована в духе П. Фейерабенда, — по-анархистски, — или может быть узкопрагматично понята, сколько то, что при этом обращается внимание на факт организации и осуществления учеными оценки своих идей в «трансэпистемическом» пространстве — разне-

сенных по времени и субъекту точках концептуальной, организационной консолидации и поддержки теоретических инноваций¹⁶. Аналогичный мотив — представления процесса теоретических инноваций как неанонимно протекающей объективации нового знания — развит Ст. Тулминым, демонстрирующим объективацию знания как движение и смену оснований его обобществления (от понятия, закрепленного «рациональной инициативой» субъекта, к понятию как «социальному институту»). Важно, наконец, понять, что так или иначе на передний план выдвинулась проблема коммуникативного формирования фонда intersubjectивности как основы восприятия и понимания новых идей, их тематического закрепления для последующего развития. Формирование подобного фонда intersubjectивности актуализируется в самом реальном общении, и для его выявления и описания не совсем пригодны схемы представления intersubjectивности, характерные для процедур теоретического доказательства, соответствующего экспериментального подтверждения или опосредованной вписанности идей теоретического знания в культуру из-за значительного крена последнего объяснения в сторону линейной трактовки параллелизма идей культуры и науки. В противном случае мы будем постоянно сталкиваться с представлением коммуникативно нарабатываемой формы intersubjectивности, в том числе с раскрывающимися в общении «стилями мышления» в качестве специфических форм систематизации знания, с успехом отделяемых от субъекта научного исследования и укорененных в «духе времени», и придем к возрождению идеи разноуровневого, но однородного и анонимного субъекта науки и культуры.

- ¹ Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972. С. 14.
- ² Москаленко А. Т. Методы научного познания уровня методологии // Методология в сфере теории и практики. Новосибирск, 1988. С. 21.
- ³ Степин В. С. О прогностической природе философского знания (философия и наука) // Вопр. философии. 1986. № 4. С. 48.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987. С. 40—41.
- ⁶ Быстрицкий Е. К. Познание культуры и культура в познании // Историзм и эволюционизм как феномены познания. К., 1987. С. 48.
- ⁷ Jones K. Is Kuhn a Sociologist? // The British journal for the philosophy of science. 1986. Vol. 37. N 4. P. 447—448.
- ⁸ Turner B. S. State science and economy in traditional societies: some problems in Veberian sociology of science // The British journal of sociology. 1987. N 1. P. 7.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Doppelt G. For philosophical requirements for an adequate conception of scientific rationality // The British journal for philosophy of science. 1988. Vol. 55. N 1. P. 106—107.
- ¹² Tianji F. Scientific rationality. Formal or Informal? // Ibid. 1985. Vol. 36. N 4. P. 419.
- ¹³ Ibid. P. 421.
- ¹⁴ Jones K. Op. cit. P. 450.
- ¹⁵ Ibid. P. 451.
- ¹⁶ Jacobs S. Scientific community: formulation and critique of a sociological motif // The British journal of sociology. 1987. N 2. P. 274.